

А проснулся от совсем не ласковых тычков под рёбра.

— Просыпайся, сонный медведь, — смеялся Стив, щипая его сквозь лейне. — Мне пора заниматься своим колдовством.

Баки улыбнулся сквозь отступающий сон.

— Ты говорил, это не колдовство.

— Тебе виднее. Всё одно, тут никого не должно быть, когда я начну. Так что просыпайся и иди, поищи себе занятие. Наверняка, найдутся и для тебя дела.

— А поцелуй? — Баки приоткрыл один глаз, щуря его на Стива — растрёпанного и такого родного со сна.

Тот притворно вздохнул и наклонился — этого Баки только и ждал. Обхватил за шею и завалил на себя, не позволяя слезть. Внизу живота пекло, и член стоял каменно. Он потёрся о Стива, жадно целуя, но в ответ получил только тычок острым локтем в рёбра и полузадушенный смех.

— Ну уж нет, медведь. Выметайся отсюда. Ничего тебе сейчас не перепадёт. Нельзя нам.

Баки хотел было поспорить, но Стив неуловимо выпутался из его объятия и отошёл подальше, со смущением оправляя края топорщащейся лейне. От понимания, что он тоже хочет, Баки сладко повело. Но, если друид вбил себе в голову что-то — упорствовать бесполезно.

Он коротко поцеловал Стива уже перед дверью, а тот всунул ему в руку небольшой глиняный кувшин.

— Выпейте это вместе, когда пойдёшь к ней, — сказал он тихо, отводя взгляд.

Баки ничего не стал спрашивать — взял кувшин и вышел на улицу, слыша, как Стив закрывает за ним дверь и запирает её на засов изнутри.

Весь день он слонялся по двору, выполняя поручения матери, а после дневной трапезы пошёл к аптекарнице, чтобы унести Стиву блюдо с козьим сыром и лепёшками. Только тот ему не открыл — ни после первого, ни после третьего стука, лишь хитро выругавшись из-за двери на своём языке. Улыбнувшись, Баки развернулся и пошёл к конюшням, планируя разделить еду с волчицей. Там его застал Джон, одетый в дорожную кожаную безрукавку поверх лейне и килта. На его поясе висел кожаный кошель с известным клеймом.

— Мы с Джеком отправляемся в Брейх, чтобы закупить немного яблок и сидра перед Лугнасадом, — значительно сказал он. — Вернёмся завтра к вечеру. Ты присмотришь за всем,

пока меня не будет?

У Баки слова застряли в горле, на щёки напалз предательский румянец. Он кивнул:

— Да. Конечно, брат.

И едва небольшой отряд из одной телеги и пяти всадников скрылся за холмом, Баки почувствовал себя, словно чужой топор завис над его шеей, и он может ощущать холод стали режущей кромки на своей коже.

Слава Богине, он ни разу не встретил Роану за этот день.

Он загрузил себя работой так, что не было возможности даже напиться воды. Чистил коней, бился в тренировочных боях на ристалище, наравне со слугами носил воду от речушки, жавшейся к холму с одной стороны, помогал перекрывать соломой крышу большого сарая, где держали коз. Именно там его застигло повеление лэрда появиться в чертоге.

На негнущихся ногах он слез с крыши и отправился к отцу. Солнце стремилось соединиться с краем земли, но стояло ещё достаточно высоко, чтобы говорить о закате. Баки вздохнул и, вытирая руку об изгвазданный после работ килт, оказался под крышей крепости.

Отец полусидел на своём ложе, накрытый шкурой до пояса. Он спустился для трапезы только один раз, когда Баки вернулся. Всё остальное время принимал пищу у себя. Вот и сейчас на большой гладко ошкуренной колоде стоял кувшин и поднос с сыром, курятиной и лепёшками, натёртыми диким чесноком. Отец улыбнулся ему, когда он вошёл, и пригласил присоединиться к трапезе.

— В одиночестве есть совсем не хочется. А твоя мать вечно занята, чтобы есть со мной каждый раз. Всё перехватывает что-то на ходу, — посетовал он.

Баки опустился на широкую скамеечку и, не раздумывая, положил на лепёшку кусок курятины и сыр. Он не чувствовал голода, пока не увидел перед носом еду.

— Я отправил Джона и Джека за яблоками и сидром, — сказал отец, медленно жуя. — И поговорил с Роаной. Она выполнит мою волю и никому не расскажет — от этого будет зависеть благоденствие её и её ребёнка.

Баки тяжело сглотнул застрявший кусок и жадно запил его вином из кувшина.

— Я понял, отец, — наконец, сказал он. — Пускай ждёт в своих покоях и никуда не выходит.

— Только не забудь вымыться, прежде чем пойдёшь, — усмехнулся уголком губ Ургус, всего на

миг превращаясь из старика в мужчину, помнящего удовольствия плоти. — Женщины не любят, когда от мужчины несёт конюшней и ещё невесть чем.

Баки сжал зубы и кивнул. Он бы, конечно, опомнился сам — но в этот момент был готов идти к Роане прямо сейчас, чтобы поскорее это всё закончить.

— Шенора твоя дочь? — спросил он внезапно. Он не думал задавать эти вопросы отцу, незачем было ворошить былое. Но вдруг яростно захотелось знать правду.

Отец, медленно пережёвывавший отломанный кусочек сыра, усмехнулся в усы.

— Когда-то я хотел, чтобы это было так. Но Лейнель отказала мне. Сказала, что у меня и без неё будут свои дети, и что мне пора найти себе жену, а не заглядываться на неё. Я был молод, а Лейнель — прекрасна, как весеннее утро. После того я и решил, что хватит смотреть на жену брата. Пора было думать и о себе. Вскоре Лейнель забеременела, но тайну рождения Шеноры она унесла с собой.

Баки кивнул. Дожевывая последний кусок и запив его вином, он учтиво поклонился отцу и вышел из его комнаты. За соседней дверью была пустующая спальня на случай возможных гостей, ещё в одной комнате устроили его, перенесли туда все вещи, что когда-то остались в крепости. В этой комнате на низенькой лавочке он оставил кувшин, что дал ему друид утром. Баки зашёл сюда, взял из сундука чистую длинную лейне и самый простой килт, и спустился по лестнице в чертог. Ноги сами несли его к Стиву, но он усилием воли повернул в сторону умывальни, надеясь, что прохладная вода смоет пелену с его рассудка.

Баки долго тёр себя мыльным корнем и ещё дольше выполаскивал ставшие чересчур длинными волосы. Голова была пустой, а в груди волнами накатывала тревога — может ли получиться хорошо то, что по сути своей дурное? И может ли дурное, перевернувшись, стать вдруг хорошим?

Когда Баки вышел из умывальни, укутавшись в шерстяной килт, солнце клонилось к закату, окрашивая небо в цвет давленной клюквы. Не позволяя себе больше медлить, он пошёл к чертогу. Слава Богине, никто не попался ему навстречу — лишь пара слуг скользнули мимо по своим нескончаемым делам. Он поднялся по лестнице и, забрав из своей комнаты кувшин, постучался в покои брата.

— Войдите, — раздалось с той стороны едва слышно.

<http://erolate.com/book/3459/83672>